

И. А. Гончаров. <Хорошо или дурно жить на свете?>

Оригинал находится [здесь](#).

Хорошо или дурно жить на свете? И да и нет. Жизнь состоит из двух различных половин: одна практическая, другая идеальная. В первой мы – рабы труда и забот; она отравлена существенными потребностями: каждый, как пчела, ежедневно обязан принести, **для общей пользы, каплю своего меда** в бездонный улей света. В той жизни самодержавный властелин ум: много жертв приносит человек этому деспоту, много отдает лучших своих минут и радостей на обмен огорчений, сухих, чуждых душе, трудов и усилий. Как т<ам> не хочется, как скучно бывает жить – жить для других! Та жизнь как томительный сон, как давление ночного духа; от нее пробуждаешься, как от обморока, к другой половине жизни. Не такова последняя: в ней уже нет муравьиных хлопот и **мышьей беготни** к пользе общей. Там перестаешь жить для всех и живешь для себя не одной головой, но и душой, и сердцем, и умом вместе. То половина эстетическая: в ней простор сердцу, открывающемуся тогда для нежных впечатлений, простор сладким думам, тревожным ощущениям и бурям, тоже не умственным и политическим, бурям души, освежающим тяготу вялого существования. Тут свои идеальные радости и печали, как улыбка сквозь слезы, как солнечный луч при дожде. Мгновения той жизни исполнены игры ума и чувств, цветущих, живых наслаждений всем, что есть прекрасного в мире: для мужчин есть природа, высокие искусства, мечты и женщины, для женщин тоже – природа, искусства, мечты и мужчины, то есть мы. Тогда в существовании господствует какая-то легкость, свобода, и человек не клонит головы под тяжестью неотвязчивой мысли о долге, труде и обязанностях.

Когда утомленные первой, скучно-полезною... стороною жизни, вы захотите сбросить с себя иго тяжелого существования и занесете ногу над пропастью... остановитесь, пойдемте со мной: я поведу вас туда, где вы отдохнете и успокоите боль души, освежите сердце, как бы оно черство ни было, и отрезвитесь от скуки: там наберетесь утешительных впечатлений, и вам станет легко – опять до новой скуки.

Вон видите ли то здание строгого стиля с колоннадою – пойдем туда. Около него с одной стороны спесиво и широко раскинулись чертоги нового Лукулла; с другой построился, как Вавилонский столп, целый муравейник промышленности, а мимо несется с шумом и грохотом гордость и пышность, робко крадется бедность и преступление; у порога его кипит шум Содомы и Гоморры. Целомудренное здание, как будто в негодовании, отступило назад от нечестивых соседей, надвинуло зеленые зонтики на глаза, сосредоточилось в самом себе и только что не восклицает: "Горе, горе тебе, новый Вавилон!" А внутри... но войдемте, войдемте скорее.

За нами с шумом затворилась тяжелая дверь: то был последний шум света. Вступаем в другой мир. Перед нами тянутся длинные, бесконечные переходы, убегающие от взора куда-то вдаль. Здесь царствует таинственный сумрак, глубокое безмолвие, как будто мы попали в очарованный замок, где всё живущее обращено в камень жезлом могучего чародея, а между тем как много тут жизни, сколько бьется юных, горячих сердец. Да! это точно – замок фей! здесь нет и не может быть того неприятного шума, который раздаётся вокруг: то грубая возня мужчин, а их здесь нет... ты в царстве женщин. Но где же феи? Вон, смотрите, что там за тень пробирается вдоль стены неслышными, мерными шагами, склонив голову, и вдруг исчезает на перекрестке, как сторожевая дева Громобоева замка, свершающая свой печальный черед в ожидании Вадима? То странствует дежурная пепиньерка, зевающая в ожидании 9 часов вечера. А тут другое миленькое и молоденькое существо внезапно выпархивает из одних дверей, как легкая, стройная лань, с едва слышным шорохом перебегает вам дорогу и исчезает в другие двери: они затворились, и опять всё смолкло. Здесь третья вдруг взлетает вверх, едва касаясь ступеней лестницы, как будто ангел, вознесшийся в глазах ваших куда-то выше, где, говорят, множество таких ангелов. А что за воздух! как сладко дышать им! какие радужные мечты и трепетные думы навевает он на душу и сердце. Да и как иначе! ведь эта атмосфера растворена нежным дыханием всех милых существ, населяющих эту обитель. Но то... чу! откуда доносятся до слуха тихие, гармонические звуки? это они, ангелы, поют хвалебный гимн Богу. Что